

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

3. Там же.
4. Т.И.Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 56.
5. Van Bruinessen, p. 25.
6. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 35.
7. Van Bruinessen, p. 25.
8. См. В.В.Трубецкой. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966, с. 102.
9. Van Bruinessen, p. 47.
10. Barth, p. 53.
11. Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 52-55.
12. M.V.Rowton, Autonomy and nomadism in Western Asia, - *Orientalia*. Vol. 42. Fasc. 1-2. 1973, p. 249.
13. См. И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV - начале XIX вв. Л., 1949, с.76; Barth, p. 20; В.В.Трубецкой. Основные тенденции процесса перестройки традиционного нomaдизма в современном Иране. - Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976, с.171-172.
14. Barth, p. 42. См. также В.Никитин. Курды. Перевод с французского. М., 1964, с. 127; А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 17.
15. Трубецкой. Бахтиары, с. 106.
16. Е.И.Васильева. О кочевниках Юго-Восточного Курдистана. - III и ПИЖНВ, 17-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1983, с. 121; Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника, (История княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи, перевод с персидского, введение и примечания Е.И.Васильевой. М., 1984, с. 62.

Н.Е.Васильева

К.А.ИНОСТРАНЦЕВ КАК СОТРУДНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО МУЗЕЯ

В Петербурге научные этнографические исследования начались под руководством Русского географического общества, основанного в

1845 г. В 1848 г. академик К.Э.Бэр предложил устроить при Географическом обществе "обширный и систематический этнографический музей", который мог бы дать наглядное представление о народном быте - живом историческом источнике, изменяющемся и исчезающем из жизни с распространением просвещения. К.Э.Бэр подробно изложил программу такого музея. Географическое общество получило особое помещение, в котором стали собирать этнографические предметы, привозимые разными путешественниками. В архиве Географического общества стал накапливаться материал о быте различных народов. Однако настоящий музей тогда создать не удалось. Некоторые этнографические коллекции по различным странам и народам России собирались в Этнографическом музее Академии наук (образован в 1837 г.), пополнение фонда которого осуществлялось главным образом за счет даров коллекционеров. Между тем, развивающаяся этнографическая наука требовала систематического сбора материала и научной его разработки. Положение изменилось лишь в 1895 г., когда при учреждении Русского музея было решено создать в нем этнографический отдел, а также благодаря тому, что в остане этнографического отдела оказались высококвалифицированные специалисты.

К.А.Иностранцев стал сотрудником этнографического отдела с самого начала его основания. Еще до утверждения временных штатов отдела (которое состоялось 10 января 1902 г.) старший этнограф Академии наук, прогрессивный ученый и общественный деятель Д.А.Клеменц, намеченный на должность заведующего этнографическим отделом, по рекомендации Восточного факультета пригласил К.А.Иностранцева как специалиста по мусульманскому Востоку принять участие в создании этнографического отдела в качестве хранителя-этнографа.¹ Кроме него на должности хранителей-этнографов были приглашены кандидаты университета Е.А.Дяцкий и Н.М.Могилянский.

Для размещения Русского музея был выбран Михайловский дворец, подлежащий реконструкции. Работы велись под руководством архитектора В.Ф.Свиньина. В феврале 1901 г. архитектор представил несколько вариантов проекта здания этнографического отдела. Так, впервые в Петербурге для этнографического музея строилось специальное здание!

Разработка планов деятельности этнографического отдела находилась под пристальным вниманием управляющего Русским музеем великого князя Г.М.Романова и товарища управляющего графа Д.И.Толстого. С конца ноября 1901 г. К.А.Иностранцев участвовал в еженедельных заседаниях намеченного штата отдела, председателем на которых был сам управляющий. Помимо этого состав отдела многократно

собирался в доме Д.И.Толстого в течение конца 1901 г. и до конца 1902 г. для частных совещаний по различным вопросам, связанным с постановкой нового дела.² Еще до утверждения штатов отдела была подготовлена к изданию программа сбора этнографических материалов, в разработке которой К.А. принимал участие.³ После утверждения штатов, совместно с другими работами, К.А. занимался разбором и описанием материала, накопленного еще до начала деятельности этнографического отдела. Это были дары коллекционеров и отдельные покупки (общее число предметов и фотографий составляло 17 105 ед.).

После опубликования программы в начале 1902 г.,⁴ в предисловии к которой сотрудники музея обращались ко всем, желающим помочь общекультурной цели - созданию музея этнографии, в музей стали активно поступать дары, предложения покупки, а также предложения помощи в сборе этнографических материалов. В этот период весь штат отдела занимался регистрацией коллекций по любому народу по мере их поступления. Регистрация происходила по списочной системе, заимствованной у Стокгольмского национального музея с некоторыми изменениями. Для каждого собрания составлялся отдельный регистрационный список за номером (номер коллекции), который вносился в главный инвентарь. К.А. было поручено наблюдение за печатанием списков коллекций.

На сбор коллекций была направлена основная забота Совета этнографического отдела, который имел статус коллегиального органа и собирался почти еженедельно (часто под председательством управляющего). К сбору коллекций привлекались широкие слои населения, учреждения, административные лица, интеллигенция, просто любители и сочувствующие. Важное содействие успешному сбору коллекций оказало министерство внутренних дел, выдававшее командированным за сбором коллекций открытый лист. Министерство путей сообщения установило льготный тариф для перевозки вещей для музея и бесплатный проезд для штатных служащих по всей сети русских железных дорог. Сотрудники отдела, увлеченные грандиозностью самой задачи создания этнографического отдела, его огромным культурным значением, сознавали, что они выполняют подготовительную, черновую работу: накопление коллекций и предварительную их систематизацию, без которых невозможна никакая научная работа.⁵

Осенью 1902 г. К.А.Иностранцев был командирован на Кавказ, представлявший особые сложности для сбора коллекций ввиду многообразия кавказских народов и многоязычия, со специальной целью завести отношения с местными этнографами и административными лицами для выяснения условий наилучшего выполнения задачи сбора

необходимых для музея материалов, и чтобы подыскать собирателей на месте и распределить между ними задачи.⁶ К.А. посетил Тифлис, Кутаис, Батум, Елизаветполь, Баку. Труд сбора коллекций по его предложению взяли на себя четыре административных лица.⁷ Во время этой поездки был приобретен курдский ковер (колл. № 257).⁸

Для более удобного наблюдения за сбором коллекций, их систематизацией и описанием отдел в 1903 г. разделился на четыре подразделения по числу хранителей. К.А.Иностранцеву достались Кавказ, Средняя Азия, Крым и сопредельные страны Востока. С начала 1903 была учреждена финансовая комиссия под председательством Д.И.Толстого. Обязанности неперменного члена этой комиссии были возложены на К.А.Иностранцева и он исполнял их до августа 1908 г.

В марте 1903 г. К.А.Иностранцев совместно с Н.М.Могилянским был командирован в Москву для изучения постановки музейного дела. Они осмотрели музеи: Исторический, Румянцевский, Художественно-промышленный при Строгановском училище и Политехнический. Их интересовали штаты музеев, обязанности сотрудников, состояние экспозиций, музейная мебель, систематизация материала (инвентарные книги и каталоги), устройство выставок, канцелярия и т.д. Из их отчета⁹ видно, что состояние музеев не отвечало современному уровню культуры и нуждалось в усовершенствовании. Такое положение объяснялось тем, что средства на содержание музеев отпускались чрезвычайно скудные, штатных хранителей были единицы.

Обилие текущих дел в 1903 г. не допускало продолжительных отлучек штатного состава из музея. В этом году с Кавказа прислали первые материалы сотрудники, подготовленные К.А..¹⁰

В 1904 г. К.А.Иностранцев был командирован на Северный Кавказ с целью сбора этнографического материала. В Дагестане он собрал материалы по следующим народам: 1) по аварцам (колл. №№ 501 и 502);¹¹ 2) по андийцам (колл. № 505);¹² 3) по даргинцам (колл. № 503);¹³ 4) по лакцам (колл. № 504);¹⁴ 5) уникальную коллекцию по караногайцам (колл. № 333)¹⁵ - собрана в Караногайском уч.Кизлярского отд. Терской обл.; и в Чечне - 6) по чеченцам (колл. № 340).¹⁶ Кроме того в Тбилиси ему удалось купить 10 азербайджанских ковров, разнообразных по технике исполнения, особенностям орнамента, цветовой гамме (колл. 377).¹⁷ Во время поездки были сделаны интересные фотоснимки (колл. №№ 372, 334, 3349).¹⁸ Яркое представление об этой экспедиции дает записка К.А.Иностранцева, приложенная к журналу с протоколами заседаний отдела, которая позволяет представить не только обстоятельства сбора материала, но и характеризует К.А. как делового, целенаправленного, ответственно-

го и дальновитого исследователя:¹⁹ "Экспедиция моя продолжалась с 10 апреля по 28 мая. За это время были посещены мною, в целях собирания этнографических предметов - Караногайская степь, станицы Гребенского казачьего войска по Тереку, плоскостная Чечня и северная, горная часть Дагестана. Кратковременные остановки были в городах: Владикавказе, Моздоке, Грозном, Темир-хан-Шуре и Петровске; более долгий срок пробыл я в Тифлисе, по окончании экспедиции (4 дня).

Маршрут поездки был следующий. Из Петербурга я проехал безостановочно во Владикавказ, где остановился на полтора суток для получения открытого листа от наказного атамана Терского казачьего войска и необходимых справок от знатоков края. Путь в центр Караногайской степи ставку Терекли был выбран мною уже во Владикавказе; там же был намечен и обратный маршрут. Из Владикавказа я проехал обратно по Ростовской дороге, до ст. Прохладной, откуда уже на лошадях, по почтовому тракту, в г. Моздок (перезд был сделан в один день). В Моздоке, снаряжаясь в степную поездку, я побыл полтора суток. Проезд из Моздока до Терекли продолжался полтора суток. Собираение этнографических предметов началось лишь в ставке Терекли, откуда я произвел ряд поездок в степь, в кочевые аулы. Поездки не отнимали у меня особенно много времени благодаря тому, что большая часть аулов была сосредоточена около ставки Терекли: наступала весна, когда караногайцы, оставив зимовки, сосредоточенные в большинстве близ Терекли, перешли к кочеванию, но не откочевали еще вглубь степи. За время моего пребывания в ставке и в окрестных аулах, кроме покупки предметов, было произведено значительное количество фотографических снимков - между прочим, общенародного праздника - свадьбы сына головы караногайцев. Тогда же была приобретена свадебная арба и кибитка на колесах. Обратный путь из Терекли, я взял на Грозный - путь, хотя и длинный, но дававший мне возможность проехать Гребенские станицы. Не желая отступать от принятого этнографическим отделом принципа обращать главное внимание на собирании предметов у русской народности, я останавливался кое-где в станицах и купил небольшое количество предметов (между прочим, ритуальный корабль).²⁰ Первую половину экспедиции я закончил в Грозном, где готовился к поездке в Чечню. В Чечне я обратил исключительное внимание на плоскостное население. Горная часть, по расспросам, оказалась весьма близкой к акунайцам Дагестана, у которых я предполагал быть позже. Кроме того, отдавая слишком много времени Чечне, я рисковал не попасть в Дагестан, ознакомиться с которым я считал необходимым. В Чечне я

собирал коллекцию в ауле Урус-Мартан, имеющем среди населения представителей со всей Чечны, даже горной. Вернувшись из Мартана в Грозный, я на другой же день выехал в Темир-хан-Шуру, где, готовясь к поездке в Дагестан, провел 2 дня. Путь из Темир-хан-Шуры был следующий - на аулы Леваши и Хаджалмахи в Гуниб, оттуда в Хунзах и Ботлих. На обратном пути из Хаджалмахов я повернул на юг, к подножию большого хребта, в Казы-Кумух. Почти во всех этих местах я произвел покупки; самое передвижение и фотографирование весьма затруднялись наступившим в Дагестане периодом дождей. Дагестанскую экскурсию я закончил в Петровске. Всю экспедицию я закончил четырехдневным пребыванием в Тифлисе, где скупил у местных ковроторговцев несколько наиболее типичных для кавказского района ковров - эта небольшая коллекция (10 экземпляров) должна была бы послужить основанием для дальнейшего собирания образцов коврового ткачества в Закавказье. Число купленных мною предметов равняется 288. Всего истрачено на покупку и экспедицию 1 875 руб. Что касается далее до тех научных наблюдений, которые можно было сделать во время моей, сравнительно кратковременной поездки, то [неразборчиво], необходимо отметить крайнюю этнографическую бедность Кавказа, вопреки ходячим представлениям. Из тех народностей, которые пришлось мне видеть, больше старины, больше типичности нашел я у карангайцев, не настоящих еще представителей кавказской этнографии и выбранных мною потому, что они представляют собою как бы переход от типичного для Средней Азии степного, кочевого быта к представителям Кавказа - оседлым и кочевым горцам. С последними я ознакомился в лице чеченцев и лезгин. Можно сказать, что в отношении собирания, Дагестан и Чечня находятся в таких же условиях, как и населенные русскими казаками Гребенские станицы. Кроме исчезновения старины, необходимо отметить еще одно явление, препятствующее собиранию - переход производства собственно этнографического в кустарное. Когда в 1882 г. проф. Анучин был в Дагестане, он посетил, между прочим, и аул Казы-Кумух, по его словам в то время "вообще мало посещаемом": - теперь жители этого аула, весьма искусные ювелиры, сами возят продавать свои изделия не только в Россию, но и за границу - в Европу и Америку".

В этом году кроме личных сборов К.А. с Кавказа этнографический материал прислали пятеро собирателей²¹ (в том числе Н.Я. Марр во время поездки в Кларджетию Батумского окр. собрал у кларджетских грузин 63 предмета и привез 10 моделей гурийских жилищ). Всего было приобретено 682 предмета.

В 1905 г. К.А. Иностранцев совершил большую разведывательно-

собирательную экспедицию в Крым. Маршрут поездки был следующий: Симферополь; Евпатория-Бахчисарай; из Бахчисарая в Богатырскую область Ялтинского уезда (дер. Лаки, Керменчик, Гавры, Богатырь, Узбеньбаш, Фот-Сала, Коккоз); Алушта - Судак (дер. Куру-Узен, Улу-Узан, Туак, Ускют, Кансъхд, Кутлак); Судак - Феодосия (дер. Тарактат, Туклук, Коз, Отуз, Коктебель); Феодосия - Старый Крым - Карасубазар - Симферополь.²² Во время этой поездки были собраны материалы: 1) по крымским татарам (колл. №№ 735, 747, 762, 763, 764, 785, 876); 2) по караимам (колл. № 800 - полный костюм караимского раввина, предметы одежды); 3) по грекам (колл. № 861 - старинный женский греческий костюм) и 4) по болгарам (колл. № 860 - среди прочего полный костюм невесты).²³ Кроме того были сделаны фотографии Крыма с разного рода бытовыми сценками и видами (колл. №№ 735, 840).²⁴ Всего было приобретено 392 предмета. Корреспонденты К.А. также прислали восточные вещи с Кавказа и из Персии.

В этом же году К.А. как делегат от музея принимал участие в XIII-м археологическом съезде в Екатеринославе.

Осенью 1906 г. К.А.Иностранцев совершил экспедицию в Большой Карачай Баталпащинского отдела Кубанской области (аул Карт-Джурт) и в Большую Кабарду (местечко Нальчик и окрестные селения). Там он собрал материалы по карачаевцам (колл. № 1084 - в ауле Карт-Джурт был куплен целый комплекс предметов: полный богатый традиционный карачаевский девичий костюм, происходящий от одной из значительнейших феодальных фамилий Карачая - Крымшамхаловых, образцы золотого шитья, галунов, тесьмы, ковры, ткацкий станок с принадлежностями, модели сакли, полевых орудий, упряжи и др.).²⁵ и по кабардинцам (колл. № 1083 - бытовые предметы)²⁶ и сделал ценные фотографические снимки (колл. №№ 1109 и 1108).²⁷ Всего было приобретено 135 предметов.

В июне 1906 г. К.А. был командирован в Казань и Тифлис для переговоров со старыми корреспондентами и подыскания новых. В этом году от помощников-собирателей в отделение Кавказа поступило более десяти коллекций.

Осенью 1907 г. К.А.Иностранцев собирал этнографические предметы на территории Азербайджана (Ленкорань и соседние селения). Там он приобрел коллекцию по талышам (колл. № 1354)²⁸ и сделал фотографические снимки (колл. № 1244 - типы людей, бытовые сцены и типичные для данной местности пейзажи).²⁹ Главным же результатом поездки было предложение Мир-Ахмед-хана талышского принести в дар музею некоторые части отделки его загородного дворца в деревне Шах-Агац, в частности, цветные стекла, наличники к ним и

двери (работы персидских мастеров XVIII – нач. XIX века), которые к концу года были доставлены в музей³⁰ (колл. № 1437 – погибла во время блокады). Помимо этого восточные вещи поступили из Персии и от командированных в Осетию (З.П.Валаев), в Чечню (С.А.Гатуев), в Абхазию (А.А.Миллер) и от других.

В том же году К.А. еще раз посетил Тифлис, где возобновил ознакомление с коллекциями Кавказского музея и обратил особое внимание на новые работы по изготовлению манекенов, о чем доложил на заседании Совету этнографического отдела.

В апреле 1908 г. К.А. принимал участие в заседании Комиссии, образованной при Комитете для изучения Средней и Восточной Азии по вопросу о сохранении древних памятников Туркестана.³¹

В мае 1908 г., в связи с предстоящим оснащением этнографического отдела мебелью и др. приспособлениями, изучил вопрос о шкафах по литературе. На заседании заключительной комиссии по решению вопросов об оснащении мебелью этнографического отдела решительно высказался за желательность железной конструкции мебели, как более удовлетворяющей потребностям музея.³²

К концу мая 1908 г. К.А. первым из сотрудников отдела составил систематический каталог по своему отделу.³³

12 декабря 1908 г. К.А. вышел в отставку. На его место был назначен А.А.Миллер, уже работавший в отделе и зарекомендовавший себя работами по этнографии и археологии. Продолжателем дела А.А. Миллера стала Е.Н.Студенецкая – крупный специалист по этнографии Кавказа.

Таким образом, с конца ноября 1901 г. К.А. стал деятельным сотрудником отдела. Служебная деятельность его была разнообразна: 1) в середине декабря 1901 г. он написал и прочитал на заседании в музее свой проект об устройстве коллекций Востока, в котором обратил внимание на то, что следует различать задачи этнографии и истории быта, с одной стороны, и истории искусства и археологии, с другой; принимал участие в выработке программы для сбора этнографического материала; 2) совершил пять поездок на Кавказ и в Крым и собрал значительный этнографический материал послуживший основанием для формирования фонда Кавказского отделения этнографического отдела (всего им собрана 31 коллекция, в том числе 8 коллекций с фотоматериалами); 3) занимался описанием коллекций, составлением регистрационных списков, систематизацией материала, укладкой вещей в специальные ящики для хранения, дезинфекцией вещей; 4) вел наблюдение за печатанием списков коллекций всего отдела; 5) осуществлял большую и важную работу по подборке собира-

телей для музея в различных местах: в Петербурге, в Закавказье, в Казани; вел с собирателями переписку, подробно разъяснял какие предметы нужно собирать, высылал им программу; дважды выезжал в специальные командировки для выяснения на месте условий сбора материала; 6) был членом финансовой комиссии этнографического отдела, ежегодно представлял Совету этнографического отдела финансовый отчет; 7) принимал участие в разработке вопросов об экспозициях музея; почти каждое лето посвящал изучению этнографических и археологических музеев Западной Европы; 8) неоднократно выполнял обязанности заведующего отделом во время отъезда Д.А.Клеменца в командировки; 9) как член Совета этнографического отдела К.А. заботился о пополнении фондов музея и своего отделения путем закупки предметов и целых коллекций у населения; внес много ценных предложений в работу отдела: а) заботился о состоянии коллекций находящихся в подвалах, предлагал просматривать хранящиеся в ящиках материалы; б) для приведения в порядок изразцов из коллекции Дудина, привезенных из Средней Азии при его участии были заказаны деревянные рамки; в) привлекал собирателей заниматься регистрацией коллекций в музее на временных выставках; г) ставил вопрос о расширении штатов отдела; д) по его предложению для удобства пользования была создана фототека, и для нее был заведен карточный каталог, ненаклеенные фотографии он предложил хранить в альбомах, а наклеенные - в папках; е) разработал схему распределения материала в той части музея, которая должна была быть готова в недалеком будущем. Схема была построена на культурно-этнографическом принципе; ж) предложил хранить зубочные картины отдельно от вещей, в библиотеке и т.д.³⁴

Работу К.А.Иностранцева отличает исключительная добросовестность, ответственность, тщательность, обширные знания, творческая инициатива, принципиальность. Он заложил основы сбора этнографических коллекций на Кавказе и в Крыму. Ценность собранных им коллекций заключается в том, что К.А. собирал комплексно, из разных социальных слоев и отразил это в регистрационных описаниях. Большая просветительская работа К.А. по подготовке собирателей для этнографического отдела обеспечила пополнение фондов музея и подготовку кадров (в частности, А.А.Миллера). К.А. глубоко вникал во все нужды и проблемы этнографического отдела как научные, так и технические. Он обладал независимостью взглядов и суждений, которые отстаивал на заседаниях Совета этнографического отдела. За заслуги в деле формирования фондов музея К.А.Иностранцев был дважды награжден: в 1905 г. - орденом св.Стайислава 3 степени и в

1907 г. - орденом св. Анны 3 степени. Материалы собранных им коллекций использовались исследователями в научных трудах³⁵ и в настоящее время они представляют большой интерес для специалистов. Многие предметы, собранные К.А. на Кавказе и др. местах, представлены в настоящее время на постоянной экспозиции в Государственном музее этнографии народов СССР и являются пособием для всех желающих ознакомиться с недавним бытом народов Кавказа.³⁶

Годы деятельности К.А. Иностранцева в этнографическом отделе Русского музея были самыми плодотворными годами и в его научной деятельности в области востоковедения, которая являлась основным делом его жизни. В эти годы им были написаны самые значительные труды, сохраняющие до сих пор свое научное значение.

Научные интересы К.А. формировались и развивались под влиянием профессора В.Р. Розена. В одной из своих статей Виктор Романович высказал пожелание увидеть специальное исследование по празднованию Науруза, на что К.А. откликнулся блестящим исследованием "Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии".³⁷ В 1902 г. после смерти одного из виднейших представителей русского востоковедения В.Г. Тизенгаузена В.Р. Розен предложил К.А. дополнить и издать библиографические карточки покойного по мусульманской археологии, расположенные в алфавитном порядке. Работа эта потребовала много времени, дополнительного изучения литературы в библиотеках. В 1903 г. у него появился деятельный сотрудник по этой работе - Я.И. Смирнов. Оставшиеся материалы В.Г. Тизенгаузена были классифицированы и дополнены издателями.³⁸ Глубоко продуманная, разнообразная и в то же время ясная классификация свидетельствует о глубоком знании К.А. предмета. Такая классификация была разработана впервые в науке.

Работа над библиографией продолжалась до 1906 г., она вовлекла К.А. в круг интересов, которыми занимались весьма немногие - это история внешнего быта и культуры мусульманского Востока. В России впервые на такие вопросы обратил внимание В.Г. Тизенгаузен. В последние годы жизни он с необычайной для его возраста страстью занялся изучением предметов роскоши и искусства мусульманского Востока X-XV вв. по описаниям арабских историков и географов, собираясь подготовить обширное монографическое исследование. Но, к сожалению, эта самая важная часть его работы осталась неосуществленной. В его архиве сохранились лишь выписки из рукописей с описаниями предметов роскоши и быта и их переводы.

Вероятно у К.А. было намерение заняться систематизацией и этих материалов В.Г. Тизенгаузена, об этом он говорил с В.Р. Розе-

ном,³⁹ но для этого требовалось много времени. В 1903 г. уже четко определились научные интересы К.А. – история внешнего быта и материальной культуры. Вопросы из этой области обсуждались на заседаниях Русского археологического общества, деятельным членом-сотрудником которого являлся К.А. С этой целью он изучает рукописи арабских авторов: Гузули "Матали ал-будур", Джахиза "Китаб ал-байан ва-т-таб'ин" (о сравнении арабского и персидского военного искусства), Ибн Кутейбы "Уйун ал-ахбар" (гл. II) и др. В 1904 г. он изучает сочинения Ибн Тагриберди и Макризи о праздничных выходах Фатимидских халифов. После знакомства с текстом ал-Калкашанди он намеревался дать очерк шиитских праздников Фатимидов. Кроме этого задуманы были некоторые работы по исторической этнографии средневекового мусульманского Востока и подобраны рукописи для этого исследования.⁴⁰

Благодаря своему таланту и тонкому чутью исследователя, он умел дать новое, оригинальное освещение почерпнутым в рукописях сведениям. В.Р.Розен поощрял К.А. в этих его изысканиях. Еще в некрологе В.Г.Тизенгаузена он высказал пожелание поскорее ввести бумаги покойного в научный обиход, чтобы они послужили науке.⁴¹ У К.А. в процессе изучения арабских авторов возникали свои идеи. В.Р.Розен оставался его неизменным советчиком и консультантом. В 1905 г. К.А. издал монографию "Торжественный выход Фатимидских халифов", включающую перевод сложнейшего арабского текста, обширный комментарий и исследование.⁴² В 1906 г. вышла не менее интересная работа "Отрывок военного трактата из сасанидской "Книги установлений",⁴³ а в 1908 г. – "Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья".⁴⁴ И кроме этого – целый ряд небольших, но чрезвычайно интересных статей.⁴⁵ То обстоятельство, что К.А.Иностранцев был знатоком древней и средневековой мусульманской культуры, делало его особенно ценным сотрудником этнографического отдела Русского музея.

-
1. ЦИА, Ф. 696, оп. I, № 287, л. 14.
 2. Н.М.Могиланский. Очерк деятельности этнографического отдела с 1902 по 1909 гг. – Материалы по этнографии России, Т. I, СПб., 1910, с. I-ХУП.
 3. ЦИА, Ф. 14, оп. 3, № 15782.
 4. Программа для собирания этнографических предметов, 1902.
 5. Н.М.Могиланский. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. – Живая старина. Год XX. 1911 г. СПб., 1912.
 6. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. 72б.

7. Там же, л. 73. Елизаветпольский губернатор Н.А.Лютцау, по вверенной ему губернии (впоследствии отказался); заведующий опытной шелководческой станцией Н.Н.Шавров, по шелководству и ткацкой промышленности всего Кавказа; чиновник министерства земледелия А.С.Пиралов по Тифлисской и Ереванской губерниям; Ф.М. Снегирев, управляющий палатой государственных имуществ в Кутаиси, по Кутаисской губернии.
8. Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций, Л., 1981, с. 157.
8. Архив ГМЭ, ф. I, оп. I, № 18, л. 6-7.
10. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. 93: А.С.Пиралов прислал 156 предметов, студент С.В.Тер-Аветисян - 73 предмета.
11. Народы Кавказа, с. 48.
12. Там же, с. 52.
13. Там же, с. 54.
14. Там же, с. 64.
15. Там же, с. 69.
16. Там же, с. 24.
17. Там же, с. 101. Сведения о местах изготовления и бытования этих ковров, полученные во время приобретения, занесены им в регистрационные описания.
18. ГМЭ, фототека.
19. Архив ГМЭ, ф. I, № 18, л. 39-41.
20. Пускание "корабля" - развлечение молодежи на троицу у терских казаков. "Корабль" в настоящее время представлен на экспозиции в ГМЭ, колл. № 339.
21. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. II66-II7. Корреспонденты К.А. - А.С.Пиралов и Н.Н.Шавров, и командированные от музея И.Ф.Нижардзе - собирал в Сванетии и С.В.Тер-Аветисян - собирал у татарского населения в Казахском уезде Елизаветпольской губ.
22. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. I426-I43.
23. ГМЭ, инвентарные книги за 1905 г.
24. ГМЭ, фототека.
25. Народы Кавказа, с. 15.
26. Там же, с. 7.
27. ГМЭ, фототека.
28. Народы Кавказа, с. II6.
29. ГМЭ, фототека.
30. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. I97.
31. Архив ГРМ, ф. I, оп. I, д. № 46, л. I-3.
32. Там же, ф. I, оп. I, д. № 43, л. 9.

33. Там же, Ф. I, оп. I, д. № 40. Журналы заседаний Совета этнографического отдела №№ 177-234, л. 52.
34. Там же, Ф. I, оп. I, д. №№ 13, 26, 31.
35. Г.Бонч-Осмаловский. Свадебные жилища турецких народностей. - Материалы по этнографии. Т. III, вып. I. Л., 1926, с. 101-110; в статьях Е.Н.Студенецкой и других.
36. Особого упоминания заслуживает костюм княжны Крымшамхаловой - темно-красное бархатное платье, украшенное золотым шитьем.
37. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии. - ЗВОРАО, Т. XVI (1904-1905). СПб., 1906, с. 020-046.
38. К.А.Иностранцев, Я.И.Смирнов. Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг бар.В.Г.Тизенгаузена. - ЗВОРАО. Т. XVI (1904-1905). СПб., 1906, с. 079-0145, 0213-0416.
39. Архив АН СССР, Ф. 777, оп. 2, № 188, (письмо от 9 сентября 1905 г.).
40. Там же.
41. В.Р.Розен. Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. - ЗВОРАО. Т. XVI, 1906, с. 231-236.
42. Торжественный выезд Фатимидских халифов. - ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907, с. I-II3.
43. Отрывок военного трактата из сасанидской "Книги установлений" آئين نامه - ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907, с. 249-282.
44. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. - ЗВОРАО. Т. XVIII (1907-1908). СПб., 1908, с. 113-232.
45. Полную библиографию научных трудов К.А.Иностранцева см.: Н.Е.Васильева. Константин Александрович Иностранцев (1876-1941). - ПИ и ПИКНВ, XX. М., 1986, ч. I, с. 16-20.

Т.И.Виноградова

НАДПИСИ НА КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ

Мнение о практически полной безграмотности простого народа в старом Китае настолько укоренилось в представлении как китайских, так и европейских ученых, что большинство оперирует им, не пытаясь ни подтвердить его конкретными фактами, ни опровергнуть. "Трудность китайской иероглифической письменности явилась причиной того, что количество грамотных в Китае, по современным представлениям, всегда было незначительным. По оценкам конца прошлого века,